

УДК 342 (470+571)
ББК 67.400.12 (2Рос)
З 14

Г.Г. Загайнова,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, тел.: +79883884002, e-mail: goarikk@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОРГАНА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье раскрывается деятельность Конституционного Суда РФ как органа политической власти. Рассматривается значение Конституционного Суда РФ в процессе принятия решения. Отображаются спорные аспекты деятельности Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, субъекты Российской Федерации, федерализм, принцип разделения властей, ЕСПЧ, неконституционные положения, национальное право.

G.G. Zagaynova,

Candidate of Law, Associate Professor of Department of State Legal Disciplines of the North Caucasian Branch of Russian State University of Justice, Krasnodar, ph.: +79883884002, e-mail: goarikk@yandex.ru

IMPORTANCE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS BODY OF THE POLITICAL POWER

Abstract. The paper examines the activity of the Constitutional Court of the Russian Federation as the body of the political power. Importance of the Constitutional Court of the Russian Federation in the course of decision-making is considered. Disputable aspects of activity of the Constitutional Court of the Russian Federation are reflected.

Keywords: the Constitutional Court of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation, federalism, principle of division of the authorities, ECHR, unconstitutional provisions, national right.

Деятельность Конституционного Суда РФ по обеспечению и соблюдению основополагающих принципов современного конституционного устройства невозможно переоценить. На сегодняшний день среди высших федеральных органов судебной власти Конституционный Суд Российской Федерации занимает особое место, это связано с

тем, что он является судебным органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства [1; 189–192].

Так, принятый Федеральный закон Российской Федерации от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ [2] внес существенные изменения в пункты

1 и 2 статьи 18 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [3]. Согласно проведенной реформе, высшее должностное лицо субъекта России наделяется полномочиями законодательным органом власти субъекта, по представлению Президента России. Если кандидатуру Президента России законодательный (представительный) орган власти субъекта не одобрит дважды, то будут проведены совместные консультации. Если по итогам консультаций, законодательный (представительный) орган власти субъекта отклонит кандидатуру Президента России в третий раз, то Президент своим указом назначает исполняющего обязанности главы субъекта и распускает законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта. Подобная процедура формирования исполнительной власти в субъекте – мало того, что, по своей сути, вторгалась в компетенцию регионов и нарушала сам смысл федерализма – так еще и предоставляла Президенту скрытые полномочия в формировании Совета Федерации, превращая разделенное представительство в фикцию. Тем не менее, Конституционный Суд своим постановлением от 21 декабря 2005 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» признает подобную процедуру абсолютно законной и не противоречащей Конституции России [4]. В разрез с официальной позицией Конституционного Суда, судьи Анатолий Кононов и Владимир Ярославцев изложили особое

мнение. Кононов и Ярославцев считают, что в данной схеме назначения глав субъектов единственный источник власти в стране, то есть народ, никак не участвует. Более того, нарушается сама суть федерализма и принципа разделения властей, происходит грубое нарушение норм Конституции [5; 91-93].

Хотя в 1996 году Конституционный Суд признал неконституционными положения Устава Алтайского края, согласно которым законодательное собрание края обладало правом назначать на должность и освобождать от должности губернатора. Согласно пункту второму статьи 83 устаревшей редакции Устава Алтайского края, Законодательное Собрание избирало главу администрации края на альтернативной основе тайным голосованием сроком на четыре года. Тогда Конституционный Суд в своем постановлении очень четко определил, что в Алтайском Крае «...Законодательное Собрание превращено в своеобразную избирательную коллегию, решение которой подменяет прямое волеизъявление избирателей». Суд, принимая данное постановление, создал очень важный для государственного устройства прецедент, в котором четко определил свою позицию, что глава исполнительной власти субъекта должен быть избран в результате прямого волеизъявления жителей этого субъекта. Вот так, спустя почти десять лет, одни и те же судьи способны выносить диаметрально противоположные решения.

Несмотря на то, что действующее законодательство устанавливает выборность глав регионов только гражданами, в России остаются такие субъекты, как Дагестан, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, которые до сих пор, согласно их конституциям, избирают глав посредством законодательного (представительного) органа власти. Как известно, в России нет

одинаковых регионов, но это вовсе не означает, что различные регионы и их жители должны иметь права, отличные от иных регионов, особенно когда речь идет о формировании органов государственной власти. По этому вопросу у Конституционного Суда решения пока нет.

Не менее широкое обсуждение вызвало Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П [6], согласно которому Конституционный Суд РФ признал верховенство Конституции Российской Федерации при исполнении решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Согласно сути постановления, Конституционный Суд будет определять, будут ли исполняться решения ЕСПЧ на территории России или нет. Свою позицию суд аргументировал тем, что международное право приоритетнее, чем внутригосударственное, но все же по статусу ниже, чем Конституция. Объективность позиции Конституционного Суда вызывает сомнение, поскольку, Российская Федерация является членом Совета Европы, ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, в которой признается высшая юрисдикция Европейского суда по правам человека. В статье 15 Конституции признается примат ратифицированных международных актов над национальным правом. Более того, постановление суда вступает в конфликт с общепризнанным принципом международного права – принципом добросовестного выполнения международных обязательств, а также со статьей 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, согласно которой участник договора «не может ссылаться на положения своего внутреннего

права в качестве оправдания для невыполнения им договора» [7; 171–197]. Конституция России и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод регулируют схожие отношения, и появление коллизий происходить не должно. Многие связывают появление такого рода постановления с делом «ЮКОСа против России» [8].

Начиная с 1991 года и по настоящее время Конституционный Суд зарекомендовал себя как орган, способный эффективно разрешать споры и конфликты между органами государственной власти. За это граждане России должны быть благодарны суду. Но, с другой стороны, иногда решения суда приводили к возникновению новых споров и конфликтов. На данный момент, под давлением органов исполнительной власти, наметилась тенденция перехода Конституционного Суда из органа конституционного контроля в орган коллективного одобрения. Статистика свидетельствует о том, что в последние годы Конституционный Суд принимает массу решений не только в форме постановлений, но и в форме определений «с положительным содержанием». Однако в отличие от постановлений эти решения далеко не однозначно воспринимаются не только в правовой доктрине, но и другими участниками государственно-правовых отношений: законодателем, исполнителем и судами. По нашему мнению, необходимо подвергнуть ревизии все нормативные установления, касающиеся процедуры назначения судей, институтов независимости, неприкосновенности и гарантий судей, – с целью приведения этих механизмов в соответствие с принципами правового демократического государства – коим Россия провозглашает себя в ст. 1 Конституции РФ.

Примечания:

1. Абесалашвили М.З., Рамазанова И.И. Герменевтический подход в правоприменительной деятельности // Современная научная мысль. 2015. № 1. С. 189–192.

2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: федер. закон РФ от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 50. Ст. 4950.
3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.
5. Конституционное правосудие в станах СНГ и Балтии: дайджест официальных материалов и периодической печати и материалов. 2006. № 2. С. 91–93.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html>
7. Венская конвенция о праве международных договоров. Заключена в Вене 23 мая 1969 года // Сборник международных договоров СССР. М., 1988. Вып. XLII. С. 171–197.
8. Топалов А. Конституционный суд против ЮКОСа // Газета.ru. Официальный сайт. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2015/10/22/7835975.shtml>

References:

1. Abesalashvili M.Z., Ramazanova I.I. The hermeneutic approach to law enforcement // Modern scientific thought. 2015. No. 1. P. 189–192.
2. On the amendments to the Federal Law “On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of subjects of the Russian Federation” and the Federal Law “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation”: RF Feder. Law of December 11, 2004. No. 159-FZ // Collection of laws of the Russian Federation. 2004. No. 50. Art. 4950.
3. On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of the subjects of the Russian Federation: the Feder. law of October 6, 1999. No. 184-FZ // Collection of laws of the Russian Federation. 1999. No. 42. Art. 5005.
4. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 21, 2005. No.13-P on the case on the constitutionality of certain provisions of the Federal Law “On general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of the subjects of the Russian Federation” in response to

- complaints of a number of citizens // Bulletin of the RF Constitutional Court. 2006. No. 1.
5. The Constitutional justice in the CIS and Baltic countries: digest of official materials and periodicals. 2006. No. 2. P. 91–93.
 6. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2015. No. 21-P “On the case on the constitutionality of provisions of Article 1 of the Federal Law” On ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols”, paragraphs 1 and 2 of Article 32 of the Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation”, parts 1 and 4 of Article 11, paragraph 4 of the fourth paragraph of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 13, paragraph 4 of Part 3 of Article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 15, paragraph 4 of Part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and paragraph 2 of the fourth part of of Article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the inquiry of the group of State Duma deputies”// Rossiiskaya gazeta. URL: <http://www.rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html>
 7. Vienna Convention on the Law of Treaties. It is concluded in Vienna on May 23, 1969 // Collection of the international treaties of the USSR. M., 1988. Issue XLII. P. 171–197.
 8. Alexey Topalov. The Constitutional Court against YUKOS // Gazeta.ru. The official site. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2015/10/22/7835975.shtml>